

Преемственность поколений испокон веков обогащала литературу новыми силами, талантами, великими именами. Помогали зрелые авторы в огранке дарования Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Чехову, Есенину. Сегодня также важно значение опеки старшими начинающих серьезно писать. Особенно когда так обострилась экономическая составляющая в реализации таланта, и коммерческий успех ставится всеми без исключения во главу угла.

В нашем мире без действенной помощи новички просто не выживут. Пусть это будет подготовка в вузах,

частных школах и на курсах, премии, форумы, совещания, конкурсы, будничная работа с редакторами изданий либо доработка рукописей с литературными редакторами и корректорами.

Часто писателя, по существу, создает редактор, зачастую женщина, опытный наставник для дебютанта. Что появляется в итоге, можно судить по публикациям и изданиям, бумажным и электронным. Получается, по известному выражению, что других молодых, благодаря литературному процессу, авторов у нас нет, поэтому будем аргументированно ругать и осмысленно восхищаться теми, кого имеем.

Анна ВАРТИК. Родилась в 1987 году в Красноборске, Архангельская область.

«Нижний Новгород», 2019, № 6

Интермедии в прозе жизни

(Из сборника невыдуманных историй)

Для полноты ознакомления с молодым срезом литературы важно обратить внимание на дебютантов. Тенденция осмысления реальности посредством не затронутого тяготами жизни сознания может навести на новые идеи, в том числе и по спасению отечественной литературы. Анна Вартик из Архангельской области первой публикацией в журнале «Нижний Новгород» даже не громко заявляет о себе, предрекая долгую счастливую творческую жизнь, а перелистывает обветшалые страницы летописи российской прозы.

С новыми именами, легким дыханием отроков от литературы, появится возможность перезапустить творческий процесс. Это будет и реализм, и традиционализм, и

сентиментализм, и совсем новый, не встречающийся ранее стиль, давние поклонники и свежие головы – читатели – глубоко вздрогнут в предвкушении ценных знаний, сердечных впечатлений, спасительного катарсиса. Пароход современности затрубит гимн следующей эпохе критического отображения действительности. Жизнь станет в один ряд с торжеством юной мысли, выстраданной предыдущими поколениями истиной. Для этого потребуются новый язык, философия, другая культура восприятия и общения с читателем.

Анна Вартик пока только нащупывает то движение, которое приводит к переменам, но определенные успехи в конструировании сюжета и прорисовке деталей уже отчетливо видны:

«Скрюченная, еле волочащая ноги, бабка опиралась на клюку, слегка заваливалась на бок и невероятным усилием подвигала верхнюю часть туловища вперед, сильным рывком подтягивала свой дряхлый корпус и только потом, практически всем телом «сделав шаг», подволакивала ногу, давно ставшую мешающим отростком, – так старушенция выходила из нашего подъезда.

Мне нравилось наблюдать за ней: воровски, боковым зрением, как тайно косятся обычно на людей с физическими недостатками. Бабка протаскивалась сто метров к «садику» – среди реденьких березок был организован участок, огороженный досками из всяческого хлама. Менял ли кто балкон, делал окно, чинил стул или избавлялся от старого дивана – весь скарб, оказавшийся на помойке, бог знает каким образом был притащен бабкой на этот «островок».

Всю весну с утра пораньше бабулька дотаскивала сюда свои старые чресла и начинала копошиться. Стояла по щиколотки в тающем снегу и медленно, дрожащими руками вытаскивала рассаду – дохленькие растеньица

желтовато-зеленого цвета – и впихивала их в лунки с только отошедшей, еще насквозь холодной землей.

Только по виду клумбы – большой шины в оранжевых и красных полосках, с большими белыми ромашками – можно было догадаться, что здесь, по бабкиным задумкам, будут цветы. Наверное, в этом болоте, среди грязи и нескончаемых строек, они действительно смотрелись бы жизнерадостно».

В миниатюрах автора сквозит живая заинтересованность, погружение в творчество доходит до самых высших степеней художественного просветления: «Девушка – такая утонченная, щупленькая, в коротких шортах и майке, ущербно висящих на костлявом теле, в одной руке держала банку колы, в другой – руку юноши, такого же зеленого и болезненно худого, как она сама.

Они говорили совершенно по-детски: что-то о шмотках, школе, каникулах, крутых самокатах; она надула губки, когда он покритиковал ее за «эти три дэ реснички хуже, чем два дэ»; обидевшись, она выдернула свою ручонку из его, но парень быстро нашелся, обнял за талию: «Да ладно, Софух, через неделю новые сделаешь!»

«Софуха» оттаяла, взяла у кассы «Сникерс» и глянцевый журнал, стала обмахиваться – «жа-а-арко». Все ее тело обдувалось искусственно созданным ветерком. Анорексичное разрисованное тело. Совсем еще юное и так несвоевременно... забитое татуировками.

Я не могла оторвать от них глаз. На рукавах – огромный цветной портрет женщины с выпуклой челкой, вокруг которого кружат бабочки. На пальцах нарисованы штрихи, на запястьях – браслеты. На шее татуировки птиц, летящих бок о бок, почти задевая друг друга крыльями. На ногах – очень много всего: жук, уползающий под шорты, цветы, радуга, непонятные символы и знаки. На животе из-под коротенькой маечки выглядывают

лапы и половина тельца огромной, густо прорисованной, волосатой мухи.

Издали это тело – хаос, какофония, чешуя одного из Буэндиа. Присмотришься – сколько деталей, целое собрание рисунков детей всех возрастов...»

Константин КОМАРОВ. Родился в 1988 году в Свердловске.

«Нижний Новгород», 2019, № 5
Мир тает, как ангел сусальный...

Уральский воздух свободы благотворно сказывается на талантливых личностях. Традиции, перенимаемые творческими людьми в общении, культурном диалоге среди участников собраний, уличных шествий, отражены в высеченных навечно публикациях. Так, Константин Комаров в журнале «Нижний Новгород» бросает вызов столичным вкусам, требованиям и критериям. Ярко наступает «собственной песней» на горло эстетических либеральных рамок, заявляет резкий протест «прокрустову ложу», причесывающему всех изнемогающих от гнета клише и норм дебютантов под одну гребенку.

Владея инструментовкой, звукописью, образностью наотмашь, автор дает фору многим засидевшимся в подающих надежды поэтам:

*По лекалам скроена окраина,
и линеен ливень по пути.
Все, чем зренье было обокрадено,
выплатили сердцу во плоти.
Как крючок с назначенной наживкою,
ты един в сей местности гнедой*

с каплющей с капюшона жидкостью,
часто именуемой водой.

И никто здесь не сочтет насилуем
результат безмолвного труда:
слиться с нею болевым усилием
и отсюда слиться навсегда.

Многое должен сказать стихами Константин Комаров,
но все равно голос будет недостаточно слышен без эмо-
ций, аллюзий, идейного наполнения щедрой на находки
стиля поэтики:

Иссякла щедрая подпитка,
заклинило спираль витка;
иглой, что хотелось выткать,
теперь приходится втыкать
в бумажного сухого сена
еще не подожженный стог.
Но батарейка солнца села
(а может, кто-то ей помог).
И ничего уже не лечит,
и нечего уже просить,
ведь то, что выносил, не легче
потом годами выносить.
Но бессловесные загадки,
еще оставшиеся тут,
последней требуют закалки
и остудиться не дают.

Пусть знакомые с литературой и пресыщены изыска-
ми, историями, особенными фишками, эта поэзия всегда
останется новой, изменяющейся изнутри, льющейся на
читателей как из рога изобилия:

Такого ль наблюдал другой поэт
сто лет назад – известный, белокурый?
К нему явился черный силуэт
спросить за все, что он набедокурил.
А мой – стоит и пальцем не грозит,
застывший в ртути, как голимый Голем,
хоть попрекнул меня бы, паразит –
предательствами, болью, алкогелем.
Зеркальный контур гол и молчалив,
и я снимаю хлипкие котурны.
Весна пуста, и белый свет червив.
И небеса кислотные лазурны.

Валерия ФРОЛОВА. Родилась в 2000 году в Новокузнецке.

«Москва», 2020, № 3

Лишь пара летящих мотивов

Проза порой отягощает юное сознание. Воспарить в мечтах в противовес оковам обыденности, пошлости, заезженным штампам и шаблонам – нелегкая задача. В своей публикации Валерия Фролова поведала многое, что не бросается сразу в глаза, проходит мимо тебя в серой толпе, но взгляд молодого автора точно выхватил ценное для мысли, поразил отточенностью эмоций, сердечным отношением к тексту. Хитросплетения прозаических миниатюр направлены на понимание страждущей души, не оторваны от жизни и дышат тончайшим кружевом отображения реальности:

«Ты ко мне приходишь по ночам, обзываешься. Я не понимал сначала, за что ты со мной так и зачем тебе вообще моя голова. А ты все лезешь и лезешь в нее без края,

без конца, без году неделю. Ну, входи уж, присаживайся, коли пришла. Но ты все стоишь у порога, каждую ночь стучишь, буйнишь. Убегаешь уже потом, к утру. И я тогда открываю глаза, слушаю дыхание свое астматическое и пот со лба вытираю. Проказница.

Все ночи похожи, как одна, – и только в Петербурге я почувствовал, как ты тихо стала шептать, а не ругаться громко. И слова такие странные, закрученные: «сложно-состоявшийся», «бегущезависимый». Никаких не было «уродов» и «козлов», и, кажется, «я ненавижу тебя» делось куда-то. Даже и как будто «люблю тебя» проскочило ненароком, но так только, от неловкости – как и всегда.

И ты меня то ли поняла, то ли отпустила – страшнее всего, если и поняла, и отпустила тут же, как будто вырвала от испуга.

И снова там, в Москве, я уж не знал, куда себя девать по ночам».

Постижение любви находит в арсенале средств самые необходимые краски, окружающий живой мир наполнен переносимыми чувствами флюидами счастья:

«Мы лежали тогда, как обычно, нагие под одеялом. Я устал. И тут – всего за секунду – она прижала свои голые ступни к моим шершавым и холодным ногам. Я окаменел, и я не знал, хорошо мне или плохо, поэтому просто оставил все как есть. Я ощущал, как она нежно шевелит своими скрюченными пальчиками ног, почти царапая мою огрубевшую кожу. Я закрыл глаза. Меня пробрал холодок. Наши ледяные ступни, переплетаясь, выглядывали из-под одеяла, и наши тела, слегка потные и теплые, прижимались друг к другу под ним. И я не понял тогда, отчего мне стало так мерзко и так хорошо одновременно».

Елизавета МАЛЫШЕВА. Родилась в 1997 году в городе Волжский.

«Москва», 2020, № 1
Левый берег Египта

Разносторонние интересы молодежи заслуживают уважения. Ведь поэзия – только часть творческого выражения неравнодушных к жизненной активности индивидуумов. Так, Елизавета Малышева уже отметилась публикациями в разных изданиях. В журнале «Москва» перед нами предстает ищущий свои независимые средства выражения автор. Не останавливающийся в пучине бытия, не оглядывающийся назад, а постепенно постигающий азы жизни и краем своего сознания желающий менять в лучшую сторону объективную реальность. Стихи прекрасны оригинальностью, незамыленной проекцией на мир, честным признанием в страхах, предубеждениях и комплексах, но требуют усилий от читателей в проникновении в тайные смыслы:

*баржа проскальзывает в шлюз
бесшумной белой волной
слово как плоский камешек прыгает прыгает
и проглатывается водой*

Новое имя в поэзии еще скажет свое веское слово, а пока в горниле творческого огня вырабатываются мастерство, навыки строгого самовыражения без прикрас и обращения внимания на оценки и мнения:

*красным и белым на коже зеленого цвета
это легенды из детства
моего
хорошо что не твоего*

поелику ты знала бы наперед
где искать свои ноги
руки
голову
детородный орган
разорванные поделом тебе
ты бы знала кто и зачем это сделаю
я
закопаю в пески да не те
что нам стали ясельными дворами
а в других
где твой лживый язык даже зевс не отыщет
копаясь в сжигающей кожу земле
ты не будешь знать

Михаил КИЛЬДЯШОВ. Родился в 1986 году в Костроме.

«Нижний Новгород», 2019, № 6
Лишь бы только к плечу плечо –
До победы и до парада...

Выразитель мнений народа выйдет из самой гущи общества. Его не надо принуждать врачевать души, окормлять буйных и страждущих – непокоренный голос найдет своих слушателей и поведет людей к будущим светлым эпохам справедливости и правды.

На страницах «Нижнего Новгорода» Михаил Кильдяшов выступает светочем мысли, его право вещать истину формулируется в правильных, родных национальному духу стихотворных строках. Юные устремления, установки и убеждения сподвигли автора искать сердцевину в цельной народной душе. И сопереживание читателя успешно достигнуто. Произойдет ли в умах разительная

перемена – сложно сказать. Но бередящие сознание стихи навсегда заполонят общественные настроения:

Ты из рук иноземцев кормился
Золотым ядовитым зерном,
Ты всего на мгновенье забылся –
И на привязи в доме родном.

А кормильцы ножи наточили
И войска созывают, трубя.
Ты не первый, кого приручили,
Не последним зарежут тебя.

...И кругом постаревшие лица,
И на братских могилах венки.
Что ж мы, милые, пьем из копытца,
Отравляем свои родники.

Придет ли время справедливости – об этом уже даже не кричат, а требуют настойчиво, жизнью показывая пример протеста и защиты гражданских свобод:

Терпеливые до поры,
Нынче силе мы дали волю,
Сжав дубины и топоры,
Взрыв за взрывом идем по полю.

Села наши огнем горят –
Прах и терему, и бараку,
Из окопов заградотряд
В авангарде бежит в атаку.

А за лесом засадный полк,
Где могильщики хмурят брови:

На мгновение мир умолк –
Слышно первые капли крови.

Лишь бы только к плечу плечо –
До победы и до парада,
Телу брэнному горячо,
А душе от небес прохлада.

Зоркий глаз поэта устремлен в будущее, картина благоденствия возможна только от наших прилагаемых усилий сегодня, и потомки будут благодарны за проявленные мужество и героизм в борьбе за права человека:

Ни к чему нам плуг или соха,
Пусть вода запомнит наши лица,
Если не сумеем расселиться
На земле, свободной от греха.

Молим о случайном островке,
Словно о великом Божьем даре,
Не беда, что твари – все по паре, –
Говорим на общем языке.

По воде никто здесь не пройдет,
Ворон не достиг заветной суши,
Шепотом: «Спасите наши души» –
Голубь устремляется в полет.

Дарья ТОЦКАЯ. Родилась в 1989 году в Ужгороде.

«Москва», 2019, № 12
Море Микоша

Окунуться с головой в тему исторического прошлого сегодня для писателей не редкость. Это не дань моде, а жажда проекции образов давних героев на современные проблемы и отношения.

Дарья Тоцкая в повести «Море Микоша» приоткрывает тайну карпатской жизни одной личности, ценной во времени и пространстве времени, как все человечество. Можно героя любить, относиться с симпатией, все равно с прочтением он навсегда проникает во все клетки твоего организма, ты уже не будешь прежним, спокойно относиться ко злу, в компромиссах выбирать станешь по возможности добрые пути, и не будет места в жизни отчаянию, безнадеге, стойко встретишь ты все трудности и открыто вступишь в бой за нравственные законы.

Описания не затрудняют восприятие течения сюжета, полотно жизни находит отклик в ищущих душах читателей: «Перед ней на скрине сидел священник. Одевание облегало его так же, со складками, а пальцами в перстнях он луцил тыквенные семечки с блюда с образочками. Он выслушал пани будто даже с интересом и ответил так же – с притворным жаром:

– Разве могут быть тяжкие грехи у достопочтенной и прекрасной пани?

Рука его опустилась куда-то меж складок, но не своего платья, а чужого. Беата проворно отстранилась, когда рука церковника оказалась в опасной близости к кошнице с деньгой, – сколько имеет пани? Священника в Глыбоке никто не любил, но все почитали. Прислали его в тот шальной и чудной год, когда всю капусту градом побилло, а на ярмарке белый, как брынза, осел сам себя продавал, и людям требовалось хоть немного покоя, а священнику – одна церковь на два села, чтоб собирать с прихожан вдвое больше.

Звали его по-церковному – Самуилом, а бочонок пуза и масляный взгляд были совсем мирскими. Мальчишки

одно время повадились кричать повсюду, коверкать его имя на свой манер: «Чи ты сумний, Сумуїл?» – доводя его до бешеных отблесков в глазах. Не поленился слуга Господа, в каждый двор занес тогда слово Божие, и каждого крикуна дома ждал за кричалки суровый выговор.

Первое, что он сделал – запретил входить в храм в грязной обуви, – чтобы не платить лишнего служкам за уборку. Затем закрыл церковный двор для диких людей из леса, хотя те вели себя тише служек и обуви не имели никакой, тем более грязной, но своим просветленным лесом видом мешали вести проповедь о вечном и благостном».

Герой душевно отражается в мельчайших деталях и чувственных движениях, ярким образом ложится в памяти для понимания повести: «А Бог – это море. Вот оно раскинулось, переменчивое, вчера еще теплое, а сегодня – студеное. Будто руки женщины, сошедшей в зимний погреб, занавешенный колышущимся тканым пологом, а за ним покоится почти мертвое, застывшее в каком-то безнадежном ожидании квашное и посолы, и все это ждет извечно одного дня в году, Великодня, и часа, когда все воскреснет, все грехи будут прощены и каждый любим будет всеми и ни за что. Микош тихо грезил о доме, о летних травах по пояс такого цвета, какого им полагалось быть, о благодатном золоте осенних лип и чистой помыслами белизне снегов. После вспоминал себя прежнего: тогда роста был высокого, с плечами – будто покатыми горными тропками. Поступь была не размашистая, грудь и живот хоть и были мягкими, но не рыхлыми, а полными соками жизни. Глаза блестели зеленым логовом багульника; он вспоминал свои кисти, прежде сильные и вместе с тем такие изящные, что куда до них магнолиеву цвету. Длинные предплечья кто-то однажды назвал стожильными: они заставляли его быть чрезмерно

осторожным и внимательным ко всему, к чему он прикасался, чтобы не сломать ненароком.

А сейчас его пальцы не способны были удержать и горстку песка».

Станислав СЕКРЕТОВ. Родился в 1986 году в Москве.

«Урал», 2019, № 12

Разговор на окраине

Рецензия. Вячеслав Харченко. Сталинский дом. – «Волга», 2019, № 3–4

Молодые авторы не желают больше почивать на лаврах, останавливаясь на достигнутом. Широта познаний требует выражения, и литературоведение и критика только приоткрывают вес талантов молодежи, позволяют ярко показать обществу то, на что способны нынешние властители дум, вчерашние студенты и школьники. Станислав Секретов отличается оригинальностью, независимостью суждений, находится в стороне от ареопага сегодняшних мнений. В публикации в «Урале» раскрыты подводные камни журнального варианта одной повести.

Вступление подробно и доходчиво вводит в тему: «Добрые знакомые Вячеслава Харченко говорят, что с ним нужно держать ухо востро: поделишься в дружеской беседе какой-нибудь пришедшейся к слову историей из собственной жизни – глядь, через несколько месяцев в хорошем литературном журнале выходит очередной его хороший рассказ с той самой личной историей, положенной в основу. Памятуя об этом, сразу веришь, что все персонажи его повести в рассказах «Сталинский дом» – не случайный набор колоритных фигур, а самые что ни на есть реальные соседи самого что ни на есть реального Вячеслава Харченко по самому что

ни на есть реальному дому со счастливым номером 13, расположенному на проспекте 40 лет Октября в московском районе Люблино.

Люблино, в котором происходит действие повести, – один из районов на юго-востоке столицы. Далекое не самый богатый, далеко не самый благополучный, далеко не самый экологически чистый. Раньше бы его однозначно назвали рабочей окраиной. В былые десятилетия в окрестностях действовало несколько крупных заводов, значительную часть района занимала Люблинская станция аэрации с полями орошения, куда стекались сточные воды с юго-востока Москвы. В 1990-х и 2000-х бывшие поля орошения застроили многоэтажками, в старой же части района сохранились сталинские и хрущевские пятиэтажки, большинство из которых попали в программу реновации ветхого жилья и теперь планируются к сносу в ближайшие годы».

Эмоционально и образно рассматриваются особенности материала: «Харченко создает портретную галерею, в которой кого только нет! Автор пишет обо всех этих людях с какой-то щемящей нежностью – он всех их искренне любит и заранее прощает возможные недостатки. Все простые, по-шукшински чудаковатые – но свои, родные люди, от которых никуда не хочется переезжать. Ощущение, будто попал в советское кино – самый правильный на свете двор, где все знают, как зовут дворовую кошку и местного участкового, где из окна несутся записи Булата Окуджавы и где рядом обязательно есть голубятня. Думается, люди, выступающие против реновации, в первую очередь боятся совсем не того, что на месте их дома появится чудовищная тридцатиэтажка. Они боятся потерять ту самую трогательную дворовую атмосферу».

Оперируя аналитическими выкладками, Станислав Секретов приводит обоснованные аналогии: «Смешное Харченко находит даже в обыденном, не предполагающем

улыбки. В новелле «Бассейн» изменение названия ближайшей к дому троллейбусной остановки вызывает у рассказчика тревогу, а его размышления по поводу столь радикальной перемены вызывают у читателя смех. Не зря в самом начале «Бассейна» проскальзывает фамилия Зощенко — его традициям Харченко верен. Можно упомянуть еще и Хармса с обэриутами, имена которых упоминали критики, анализировавшие прежние произведения писателя. Как и предшественники, Харченко чутко улавливает наш житейский абсурд и активно использует его в своей прозе».

Критик строго подходит к выработке выводов о рассказах и мощно ставит уверенные акценты: «Автор не получит за них ни больших, ни малых литературных премий. И да – скорее мы имеем дело с «трамвайным» чтением, скрашивающим время в общественном транспорте. Но при этом рассказы безмерно притягательны. Их хочется читать еще и еще, хочется продолжения. Хочется, чтобы они обязательно вышли отдельной книгой. Тем более традиционные книжные объемы позволили бы дописать еще десяток-другой легких ироничных историй, которые можно было бы вставить в любое место этой самой книги – свободная структура произведения, где жестко зафиксированы лишь первая и последняя главки-новеллы, подобное допускает. И получилась бы уже не повесть в рассказах, а роман в рассказах. Жанр, более востребованный издателями».

Борис КУТЕНКОВ. Родился в 1989 году в Москве.

«Урал», 2020, № 2

Достоинство одиночки

Рецензия. Евгений Степанов. Татьяна Бек: на костре самосожжения. М.: Вест-Консалтинг, 2019

Преимственность поколений сегодня объясняется также и порядочностью, честностью и рыцарством новых авторов. Долг перед учителем красной нитью проходит через творчество многих. Так, Борис Кутенков – яркий представитель прогрессивного литературного течения, подобно Жуковскому, и поэт, и обозреватель. И быть благодарным своим учителям – для него священный долг.

Чутко реагируя на все доводы, рецензент сводит анализ к причинам новаторства: «А разговор о Татьяне Бек, продолженный книгой Евгения Степанова, по-новому ставит вопрос не только об одиночестве и штучности, но и о литературной принципиальности – о том, как пойти против своих друзей, ловя их на откровенной подлости, да и стоит ли (в контексте гибели Бек). О вечных евшенковских строках «Злу не прощая за его добро» – и антонимичных им ахмадулинских: «Да будем мы к своим друзьям пристрастны, / Да будем думать, что они прекрасны...» О «замечательной, “штучной” и незабываемой Татьяне Бек» (И. Кузнецова), о «поэте. Подлинном. Беззащитном. И сильном» (Е. Степанов). Поэте, которого к юбилею в самую пору перечитать».

Не ускользают от Бориса Кутенкова и недостатки резонансного литературного исследования: «Заметна некоторая композиционная бестолковость книги (особенно в первом разделе чувствуется, что склеена она из писавшихся по разным поводам фрагментов). Это значительно отличает труд Евгения Степанова от серии, наследницей которой вроде бы претендует быть «Судьбы выдающихся людей» (синонимами заменены всего два слова). После линии «одиночества» Татьяны Бек (право же, обидно в таком разговоре ограничиваться неудачами в личной жизни и общими пафосными словами о «мученической смерти поэта» с примерами из классиков) – короткая глава о разных редакциях ее текстов, а далее зачем-то

глава о «рифменной системе Татьяны Бек». Разговор о рифме внеконтекстуален. «В этих стихах боль и беззащитность, надрыв и трагедия, усталость и мольба о помощи, которые четко и виртуозно выражены вербальными средствами». Далее – еще что-то полуфилологическое-полутехнологическое про «весь недюжинный диапазон версификационных средств»... Но «виртуозность» не сочетается с «беззащитностью», и странно, что литератор, мешающий с яичницей Божий дар – трагедию поэта и техническое мастерство, – говорящий о «мастерстве» как о самодостаточном явлении, этого не понимает».

Вывод ошеломляющий, сильно эмоционален и несет все признаки успешной продуманной рецензии многообещающего критика: «И как жить, когда в современной русской литературе была она – беззащитная, отважная, принципиальная по отношению к близким, сложно устроенная и как бы опровергающая своей поэтикой все любимые мной рассуждения об «иррациональной» поэзии – когда такой может быть лирическая распаханность?.. Ответов на эти вопросы нет – но нынешнее издание по-своему проблематизирует их постановку, и за это спасибо Евгению Степанову. Жест – когда стихи Бек не в «тренде» – с его стороны, прямо скажем, не способный принести дивиденды в литпроцессе и потому скорее идеалистический. И благодарность по отношению к такому жесту – несмотря на недостатки книги – безусловна».

Дмитрий ГАРИЧЕВ. Родился в 1987 году в Ногинске Московской области.

«Волга», 2018, № 1–2

«Воспоминание» и другие стихотворения

Тенденции в современной поэзии малопонятны и совсем не поддаются тщательному скрупулезному анализу. Легкость изящного рода литературы скрылась за нагромождением смыслов, форм, изысков и экспериментов. Нащупать потайные ходы и обоснования сегодня возможно, только находясь в самой среде, живой, трепещущей, полной загадок и тайн. Так, в недавно опубликованной в журнале «Волга» подборке «Воспоминание» Дмитрий Гаричев сурово обозначил твердую позицию сопротивления новейшим веяниям. Предпринимаемые усилия вполне достигают результата, и вот в поэтической армии снова еще один солдат, выбивающийся из строя, художественные средства при этом эволюционно изменены, постигаются элементы зарождения иных инструментов языка, веско объявляется новое слово российской поэзии:

*рожок почтовый оглашает утро,
но прошлая немереная дань
из-под панелей каплет и теплеет,
на поручнях висит, с краев течет,
скользит под пальцами, в глаза смеется,
как дурочка гремит себе ключами
и темным детям в елочном окне
подсказывает, как же откупиться.*

Диалог с читателем прочувствован, все требования задушевности соблюдены, отпадают все желания строгих оценок и придираков:

*я через силу говорил с родными
о посетителе своем, и слышал
от них все одинаково, что я
не холоден и не горяч, а тепл*

как прелый лист во всем ему знакомый
и так же неспособный к бегству. с тем
я проходил оставшееся время
на отвлеченной местности, пока что
дневная ось не прогорала в поле,
до жгущего истершись волоска.

Опыт жизненный выливается в острое отождествле-
ние себя и лирического героя, слова рожают образы, от
которых никогда не избавиться, но катарсис необходим
читателю для будущих поступков и деяний нравственно-
го порядка:

не плечом, а только что губами
к ягодам, впитавшим черноту
над химическими погребам
пачкаясь и сталкиваясь лбами
пропадаем как в чужом порту

сколько в эту землю ни воткнули,
что-то еще можно говорить,
в октябре, как в ледяном июле
зыбкий чай на месте заварить
но из раненого промежутка
пахнет щелоком, и каждый раз
досягает смех и прибаутка
человека, кормящего нас